

Объяснение в любви

— Не хочу размаха, — отвечает с угрозой, — хочу новую роль!

— А приветственные речи куда денем?

— Отложим до осени.

Может быть, действительно есть смысл подождать до осени, когда подоспеют остроловы из Театра сатиры, который сейчас находится на гастролях?

В Театре сатиры мы встретились в 1965 году, куда я был приглашен режиссером прямо из студенческого театра, и по-матривала Татьяна Ивановна на меня в первые дни знакомства с некоторым опасением. Ничего хорошего не ждала. Не могла предположить, что впоследствии ждет ее нечаянная любовь и дальняя дорога в Театр имени Ленинского комсомола.

Когда я перевез ее на улицу Чехова, чувствовал себя отчаянным, лихим гусаром, который под покровом ночи похитил из отчего дома боярскую дочь и без родительского благословения посадил на тройку — и в неизвестность с бубенцами! Потом Валентин Николаевич Плутчик, главный режиссер Театра сатиры, нас обоих простил.

Со стороны Татьяны Ивановны поступок этот выглядел безрассудным. После 30 лет работы в популярном столичном театре вдруг поменять все на свете и начать жить сначала — для этого нужен особый характер! У Татьяны Ивановны он есть. Азартный. Рисковый. Поэтому я посторонних режиссеров в театре бо-

юсь, чтобы опять не похитили.

Многие люди склонны в нее влюбляться. Отчаянно веселый человек! В театре от нее тепло и весело. Постоянно рассказывает смешные истории, весело пародирует всех — от главного режиссера до себя самой, всегда вокруг нее народ, оживление, хочот, и, что больше всего меня радует, всегда много вокруг нее молодежи.

Мы все думаем, что такое наставничество в театре? Вот оно самое и есть! И Татьяна Ивановна — лучший у нас наставник. Ругает она молодых отчаянно, хвалит самозавенно, и, что важно, никогда не ворчит. Она очень укрепила нашу труппу веселой и мудрой обстоятельностью.

И еще одно поражающее меня качество — всю жизнь Татьяна Ивановна имела дело с комедией, с этим крайне опасным жанром, что нередко с годами превращает актера в безжизненную маску, штампует набор привычных интонаций, а вот с Татьяной Ивановной этого не произошло. Мастерство ее с годами возросло, и пристрастие к тонкому психологическому построению роли усилилось.

За героинями Татьяны Ивановны Пельтцер всегда стоит много людей, она представляет сегодня как бы часть нашего народа, тех нынешних женщин, что прошли долгий и многотрудный жизненный путь, прошли, не унывая, сквозь бури и грозы, чтобы вынести и подарить своим и

чужим правнукам непреходящие ценности нашей жизни, великие идеалы, за которые отдали жизнь многие ее ровесники.

Я очень горжусь, что наш молодежный по духу театр связан благодаря Татьяне Ивановне с могучим древом старой театральной культуры.

Семи лет от роду ступила она на провинциальные подмостки. И первым учителем ее стал отец, замечательный актер и режиссер Иван Романович Пельтцер. Вместе с отцом за долгие годы странствий сыграла Татьяна Ивановна несчетное количество ролей. Сейчас репетирует в новой пьесе Л. Петрушевской «Три девушки в голубом», репетирует блистательно, но после каждой репетиции ругает себя безжалостно. Я уж, как могу, заступаюсь, выражаю ту репетиционную Татьяну Ивановну от послерепетиционной.

А вообще жизнь ее складывалась, как в увлекательном острожетном романе. Скитания по задымленным дорогам гражданской войны, голод и разруха, первые агитбригады и первые советские пьесы, работа во вспомогательном составе Московского театра МГСПС. Потом ее закружила веселая стихия Театра миниатюр, и снова резкий поворот в жизни — срок первый год, эвакуация, многодневный путь на медленно ползущем эшелоне...

Я встретился с Татьяной Ивановной, когда она уже была знаменитым человеком, после спектакля, ставшего главным коме-

дийным событием в театральной жизни Москвы 50-х годов, я имею в виду «Свадьбу с приданым» в постановке Б. Равенских. Спектакль был экранизирован, и началась прекрасная пора ее участия в кинокомедиях. Она была звездой экрана, а я — начинающим режиссером. И однажды я ощутил вдруг ее необыкновенную заботу и понимание всех психологических сложностей этой профессии, особенно в тот момент, когда ты не имеешь никакого авторитета.

Помню, как Татьяна Ивановна взялась словно бы оберегать меня от лишних отрицательных эмоций. Как опытный психотерапевт, она знала, что настраивание режиссера, его вера в собственные силы — составная часть общего успеха. И после нашего серьезного успеха в «Доходном месте» А. Островского пришел к нам и успех несколько легкомысленный — тетя Тони в спектакле по пьесе венгерского драматурга М. Дьярфوشа «Лазейка».

Вместе с моим сопостановщиком А. Ширвиндтом мы вняли совету В. Плутчика и назвали спектакль «Проснись и пой!». Прорваться Татьяне Ивановне не надо было ни тогда, ни теперь, она всегда бодрствовала, но вот в песенную стихию устремилась с превеликим удовольствием. Впрочем, с таким же удовольствием и азартом устремляется она в любую работу на сцене, в кино, на радио, в телевидении. Играет она в нашем театре большой и разнообразный репертуар. И не гнушается маленькими ролями — потому что большая актриса.

Я ее очень люблю. Настолько сильно, что не могу объяснить за что.

Марк ЗАХАРОВ,
главный режиссер
Театра имени
Ленинского
комсомола.

5- ИЮН 1984

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
г. Москва